

Александр Василькин

ОЧЕРЕДЬ КАК ФОРМА
СОВЕТСКОЙ ЖИЗНИ,или «В Москве хорошо лишь Гагарину Юрке
да буфетчице Нюрке»*Глава из книги «Повседневная жизнь Москвы в 1950–1980-е годы»*

У Аркадия Райкина есть монолог «О счастье», герой которого со слезами на глазах рассказывает о самом счастливом дне своей жизни. Начался этот день с похода в магазин за «Белым мором» (папиросы такие — «Белый мор»), где он случайно увидел в свободной продаже «Печень трески» — более дефицитный продукт вряд ли можно было сыскать. И вот стоит он и не верит своим глазам: как так, неужели «Печень трески» находится в такой доступности и неужто он сейчас сможет ее купить. Встал он в очередь, а сам думает: сейчас продавщица крикнет: «Касса, печень не выбивать!» или кто-то из задних рядов скажет: «По одно-ой ба-анке в одни руки!» Стоит и трясется простой советский человек, сомневаясь в своем счастье. Но оно в итоге ему досталось — взял он аж десять банок, и жене сразу решил об этом счастливом событии по телефону сообщить, чтобы и к ней счастье пришло. И телефон-автомат на улице тоже работает! А потом у него в горле от пережитых волнений так пересохло, что захотел он жажду утолить. И встал в очередь за квасом, а там опять задрожал — вдруг сейчас другие подойдут, которые раньше очередь занимали, или квас закончится? Но, слава Богу, не подошли, а их тех, кто стоял только трое были с бидонами, а остальные пятнадцать человек — без. А потом он в поликлинику пошел, и т.д., и т.п. И всем он рассказывает о своем счастье, а ему никто не верит!

Но мы, дорогой читатель, очень даже верим. Ибо очередь в описываемый нами период московской жизни являлась неотъемлемой

и составной частью повседневной жизни советского человека. Очередь были за всем — за спичками и мылом (они входили в категорию «ширпотреба» — товаров широкого потребления), за автомобилями и квартирами, разной длины и сложности. Иногда очереди возникали на пустом месте и также внезапно заканчивались. Искусство создавать очередь было даже более распространено, к примеру, чем живопись или кинематография. А некоторые очереди оказались длиннее самой советской эпохи.

Очередь еще и глубокое философское понятие, характеризующее определенный порядок жизни в вынужденных условиях. Возьмем, к примеру, очередь на водопой в древние времена, когда животные во время засухи не ели друг друга, временно отказываясь от своих каждодневных привычек ради получения доступа к воде. В СССР очередь тоже уравнивала, но не самых разных зверей, а людей в независимости от уровня их образования, запросов, представлений о жизни.

Очередь — типичный продукт советской эпохи еще и потому, что сохраняла все признаки социалистического коллективизма, когда вся жизнь проходит на людях, среди народа. В очереди можно было познакомиться, подружиться, наконец, встретить своего будущего супруга (супругу). Что-то в этом явлении было и от коммунальной кухни, когда граждане, не стесняясь, обсуждали самые разные проблемы. Только если на кухнях круг общения не менялся, то в очереди слушатели были все время разные. Из очередей нередко приносили новости — о грядущем повышении цен на ковры, о погоде, о моде, о проделках дочери генерального секретаря. Источник новостей так и назывался: «Одна бабка сказала...» В очередь зачастую отправляли «людей в штатском» с заданием выведать настроение народа, его помыслы и чаяния... Еще Маркес в 1957 году удивлялся, как быстро в Москве распространяется информация: вот, мол, доклад товарища Хрущева на XX съезде секретный, а повсюду его обсуждают: «Это одна из черт советского народа — политическая осведомленность. Скудость международной информации компенсируется поразительной всеобщей осведомленностью о внутреннем положении». А все из-за очередей, они эту осведомленность и создавали. В очередях зарождалась отечественная социология.

В фильме «Блондинка за углом» есть весьма показательный эпизод. Дотошный покупатель интеллигентного вида приходит

в подсобку большого магазина самообслуживания одного из спальных районов с животрепещущим вопросом: «А лук будет?» Его вопрос повисает в воздухе, поскольку продавцам не до него. Они коллективно смотрят футбольный матч. Но человек не унимается и повторяет вопрос, добавляя: «Меня очередь послала!» Но в Советском Союзе не было такой организации — «очередь», о чем и сообщает наглому покупателю мясник грузинского разлива, затыкая, таким образом, ему рот: «Ему моя душа не нужна, ему лук нужен!»

Действительно, юридически такой организации не было, но неформально существовала, обладая своими правами и обязанностями, обычаями и нормами поведения, иерархией и моралью. Можно сделать и такой смелый вывод — советское общество самоидентифицировало себя с очередью: редко кто проходил мимо хвоста, не воспользовавшись возможностью присоединиться к нему. Очередь могла выбрать наиболее активных и честных на первый взгляд своих представителей, чтобы отправить их на переговоры с продавцом или заведующим отделом для выяснения вопроса — сколько осталось сыра или колбасы, дабы определиться с лимитом их продажи. И тогда по итогам переговоров оглашали неписаное ограничение: «По два кило в одни руки!»

Топтуны из органов госбезопасности передавали по начальству: «Очереди начинают образовываться за несколько часов до закрытия магазина во дворах соседних домов. Находятся люди из состава очереди, которые берут на себя инициативу, составляют списки. Записавшись в очередь, часть народа расходится и выбирает себе укромные уголки на тротуарах, дворах, в парадных подъездов, где отдыхают и греются. Отдельные граждане приходят в очередь в туалетах, с ватными одеялами и другой теплой запасной одеждой».

Очередь могла исторгнуть из себя не понравившихся граждан, если они долго отсутствовали. Очередь, в конце концов, вела запись стоящих в ней людей, которые должны были отмечаться в положенное время. Номер очереди писали на ладони — чтобы не забыть, а руку не мыли. Куда бы очередь ни стояла, всегда находился какой-нибудь активный товарищ, бравший на себя функции лидера и начинавший вести список, он же назначал и время для «отмечания». Откуда брались такие люди? Вероятно, их где-то специально готовили: так умело справлялись они с поставленной задачей организации доступа совграждан ко всему, что становилось

дефицитом. И ведь стояли организованно, как будто, так и надо, ждали своего маленького счастья размером в авоську.

Авоська — сетка с крупными ячейками, с прочными неубиваемыми ручками, сделанная из синтетической веревки капрона (еще одно советское изобретение). Авоськи мастерили работники ВОС — Всесоюзного общества слепых. Носить с собою такую сумку было очень удобно — она быстро сворачивалась в небольшой комочек и влезала в любой карман, чтобы затем так же стремительно развернуться, когда «авось что-нибудь» продавалось в магазине. Обладая фантастической вместимостью и прочностью, авоська готова была принять в себя максимально возможное число самых разнообразных покупок. Это вам не нынешние пластиковые пакеты, вредные для экологии, рассчитанные на три кило и рвущиеся сразу после выхода из магазина.

В романе Владимира Орлова «Альтист Данилов» героиня по фамилии Муравлева появляется на пороге собственной квартиры, держа «в руках авоськи, тяжелые, как блины от штанги Алексева» (Алексеев — известный в то время штангист). Помимо прочего в авоське было все, чего так желал ее муж: «пиво было “Жигулевское” и с сегодняшней пробкой, и был кефир», а еще «он проследовал за женой, тащившей сумки на кухню, на ходу извлек из авоськи круглую булочку за три копейки и откусил половину». Вот и еще одно преимущество авоськи — все видно, что несет человек из ближайшего магазина, и спрашивать незачем, а вдруг апельсины из овощного — тогда стремглав надо бежать туда и немедленно! Кроме того, из авоськи можно было легко извлечь что-то не слишком объемное и попробовать.

В авоську можно было запихнуть и рукопись неизданного, арестованного органами госбезопасности романа и спокойно ходить с ним по Москве. Писатель Василий Гроссман завещал поэту Семену Липкину любой ценой издать его роман «Жизнь и судьба». И вот в один прекрасный день Липкин и его супруга поэтесса Инна Лиснянская решили, что заветную мечту Гроссмана сможет воплотить в жизнь Владимир Войнович, способный передать рукопись за границу. Так и возникла перед Войновичем Лиснянская — с авоськой, разбухшей от толстенной пачки машинописных листов. Рукопись ушла по назначению. Правда, на Западе ее поначалу отказывались публиковать: у нас, мол, своих солженицыных навалом! Напечатали лишь через два года.

Ну, а кроме авосек уже позже появились сумки однотонные либо с ужасными цветочками, их строчили в каких-то полуподпольных инвалидных артелях (и сейчас еще нет-нет, да и встретишь на улице ветхую старуху с такой сумкой). Сумки тоже были из искусственной материи и долго служили и их обладателям, и продуктам, пока они совсем не закончились с исходом перестройки. Последним пискom сумочной моды станут сумки на колесиках в начале 1980-х годов.

Авоська — чисто русское явление, еще Александр Сергеевич Пушкин рассказывал сказку о том, как старик забросил в море невод (ту же большую авоську), надеясь на удачу. Чутье его не обмануло. Так же и опытный москвич мог надеяться на счастье, подходя к хвосту очереди, он, перво-наперво, задавал стандартный вопрос: «Кто крайний?» (вариант — «Кто последний?»). Психологи уже в то время отмечали, что вопрос этот создавал у человека, к которому был обращен, чувство нравственного дискомфорта. Необходимость признаться и выдать себя «Я последний!» на подсознательном уровне внушала страх ее произносившему, что на нем-то все и закончится, и ему не хватит.

Вторым вопросом было: «Что дают?» Но если на первый вопрос ответ можно было получить легко, то на второй гораздо труднее. Так и стояли — с надеждой купить то, что дают. Очередь создала своеобразный инстинкт у советского человека — если видишь ее, сразу встань (а еще говорят, что советский человек — выдумка отдела пропаганды ЦК)! Также массово люди поднимали руки на собраниях — их к этому приучали из поколения в поколение. Возможно, что и привычка к очередям передавалась с генами.

С научной точки зрения очередь была результатом товарного дефицита, порожденного плановой экономикой: что и как производить решали не спрос и предложение, а Госплан СССР. Такая экономика еще называется экономикой продавца — когда все зависит только от единственного источника поступления продукции, ни в коей мере не заинтересованного (при одновременном отсутствии конкуренции) в качестве товаров и результатах их реализации. А в Советском Союзе конкуренции как раз и не было, а торговля была государственной на 98%. Директивные советские органы принимали решение и о цене каждого конкретного товара, и потому, например, нигде в мире хлеб не стоил так дешево, как в Советском союзе. Как потом выяснилось, цена на этот хлеб была убыточной в 5–10 раз.

Главная героиня кинофильма «Служебный роман» товарищ Калугина укоряет своего подчиненного Новосельцева: «Вы обратили внимание, что в наших магазинах периодически не хватает тех или иных товаров?» Из уст Калугиной этот вопрос звучит странно, ибо ее должность начальника управления министерства является номенклатурной, что позволяет ей пользоваться важнейшей привилегией — отовариваться в спецбуфетах. Зачем ей вообще тогда ходить по магазинам? Но очереди она может видеть и из окна своего персонального автомобиля. А вот Новосельцев, простой человек, говорит правду и соглашается: «Конечно, я регулярно хожу по магазинам», но тут же получает от Калугиной по зубам: «Все это происходит потому, что они не запланированы такими ротозеями, как вы!»

Да, именно такие ротозеи, как Новосельцев и его коллеги, непосредственно участвовали если не в ликвидации, то уж точно в создании дефицита товаров и услуг. Но не потому, что их головы были забиты совсем другими хлопотами: где взять двадцать рублей до полочки, как успеть в обеденный перерыв сбежать в магазин, отметить в очереди на мебельный гарнитур и т.д. Между решением своих личных и общественных проблем они все же успевали что-то подсчитать и пересчитать в своих многочисленных статистических управлениях, выдавая на-гора огромные тонны исписанной и запечатанной бумаги. Но продуктов от этого больше в магазинах, по которым они ходили, не становилось. Кстати, словосочетание «ходить по магазинам» очень характерно для той эпохи — именно ходить, а не покупать.

В среднем на хождение по магазинам и стояние в очередях у простого москвича уходило два часа в день. Это были гигантские потери времени в пересчете на год, а уж на пятилетку и тому по-давно. В начале 1970-х годов газета «Социалистическая индустрия» подсчитала, что по всему Советскому Союзу люди ежегодно теряли по тридцать миллиардов рабочих часов на стояние в очередях, и это только на покупки товаров первой необходимости. Не считая очередей на почте, в сберкассе, в парикмахерской, в поликлинике, в химчистке, в ателье, в пункте стеклотары и так далее. У Владимира Орлова альтист Данилов, отправившись в Настасьинский переулок к неведомым хлопобудам и будохлопам, «которые по науке строят будущее», и там был вынужден стоять в очереди за свою бывшую

жену Клавдию. На своей ладони чернилами он вывел номер 217. А его сосед по очереди, сразу на двух написал, на одной — арабскими, на другой — римскими, да и покрупней.

Советская власть все делала для того, чтобы простой человек мог вдоволь постоять в очередях, — рабочая неделя была длинной в пять дней, суббота и воскресенье выходные. Исходя из восьмичасовой продолжительности рабочего дня, получалось, что четвертая его часть уходила на очереди. Этого времени было бы достаточно для ежедневной работы трудоспособного населения такого города, как Москва, в течение целого календарного года. Но москвичи умудрялись и работать по-коммунистически (за что столица регулярно награждалась орденами и переходящими красными знаменами), и стоять в это самое рабочее время в очередях. Поэтому на самом деле потери были и не такими уж большими, ведь за время, проведенное днем в очередях, они получали зарплату, которую затем пытались потратить в магазинах. Были и свои трудности — обеденный перерыв в магазинах (с 13 до 14 часов, редко когда обед был с 14 до 15) совпадал с обедом в учреждениях и на предприятиях. Попробуй успеешь здесь! А в воскресенье работали только дежурные магазины.

Повсеместное распространение очередей породило особый вид услуг — стояние в очередях за деньги. В том же ГУМе можно было заработать десять рублей день, продавая место в очереди. Этот бизнес зародился еще в 1930-х годах. Люди, занимающиеся им, называются трамтадоры или стояльщики.

Когда появились очереди в Москве? Попытаемся разобраться. При Хрущеве все внимание уделялось продовольственной проблеме, он даже поручил в столовых хлеб давать бесплатно (в итоге он первым и кончился). Хотя он немало старался сделать, чтобы накормить народ, ведь, если верить его сыну Сергею, еще в 1949 году, когда Хрущева перевели в Москву из Украины, «москвичи страдали не только от отсутствия свежих овощей и фруктов. За молоком, сметаной, творогом, сыром, маслом и, конечно, мясом, когда эти продукты появлялись на магазинных полках, выстраивались длинные очереди».

Но уже через пять лет ситуация изменилась в гораздо лучшую сторону. Константин Ваншенкин пишет о 1954-м годе: «Нужно сказать, что в столице было тогда время разнообразного изоби-

лия. Но, как у нас бывало, какой-нибудь дефицит обязательно обнаруживался. Теперь это были апельсины». И действительно апельсины если и покупали, то по большей части для ребенка или захворавшего родственника. Как-то писатель Виктор Некрасов забрел к своему коллеге Юрию Трифонову, где-то доставшему апельсины для своей маленькой дочери. Заморские фрукты аккуратно сложили в вазочку, дочка должна была вкушать их по одному в день. Между писателями шел разговор, неожиданно прервавшийся громкий воплем жены Трифонова, что-то вроде «Боже мой, что он наделал!» Оказывается, что пришедший вместе с Некрасовым однополчанин от безделья взял перочинный нож и стал разрезать все апельсины подряд — в виде раскрывшегося цветка. Заметили это слишком поздно.

Улучшения в снабжении советской столицы люди связывали с Маленковым — главой Совмина с 1953 по 1956 годы, значительно снизившим налоговое бремя на тех же крестьян, которым больше не приходилось рубить свои яблони, дабы не платить мзду за каждое дерево. В очередях его фамилию стали употреблять не всеу, а чаще с благодарностью и почтением. В Москве повторяли, что на каком-то заседании Маленков сказал: «Товарищи, ну, нельзя же столько взваливать на плечи одного поколения!»

Однако, когда отец оттепели получил единоличную власть, ситуация стала меняться. С конца 1950-х продукты опять куда-то подевались, это поразительным образом совпало с «началом космической эры». В 1957 году запустили первый спутник земли, а вместе с ним в космическую трубу улетели и миллиарды народных денег. Так и повелось в народе — если очереди становятся длиннее, а батоны колбасы короче (много в одни руки не дают), значит, скоро что-то или кого-то запустят. Люди болтали: «В Москве хорошо живут лишь Гагарин Юрка да буфетчица Нюрка!»

Зато, судя по советским газетам, на полках магазинов царил изобилие. 20 сентября 1956 года в подмосковную газету «Коммунист» города Серпухова пришло письмо следующего содержания: «Тов. редактор, прошу вас ответить через газету «Коммунист», когда все-таки вы научитесь торговать, как подобает для русского человека, то есть не стоять в очередях по два часа и более, как-то: за хлебом, сахаром и ряд других продуктов, в магазинах народу как сельдей в бочке, и нет никакого порядка. Это первое. И второе — когда вы

окончите играть на нервах рабочих России. Вопрос назревает, или разгромить магазины, чтобы вас научить торговать, или делать вторую революцию, дабы освободиться от большевистского ига. За 39 лет окончательно замучили народ России, нет возможности дышать. Дайте хотя немного подышать, как было в дореволюционной России. Вот пока все (на первый раз)».

Проведенное расследование показало, что автором анонимного письма был рабочий Федор Абросимов, привлеченный к ответственности по ст. 58–10 ч. 1 УК РСФСР. Он объяснил свой поступок тем, придя в магазин после двух отработанных на своем заводе смен, не смог купить хлеба в магазине, а дома его ждали голодные дети.

Узнавая о бесконечных визитах Хрущева за границу, люди горько шутили: вот бы Никита Сергеевич купил там побольше слонов и бегемотов — мы бы, наконец, наелись на всю оставшуюся жизнь, а то в магазинах колбаса только из конины, которую в народе как только не называли: «его-го», «колбаса из-под дуги» и т.д. А ливерную колбасу называли «собачья радость». А в некоторых городах не только говорили и писали, но и, наслушавшись хрущевских речей о разоблачении культа личности, осмелились выйти на митинги с требованием «дать мяса и молока». Так произошло в 1962 году в Новочеркасске Ростовской области. Мирное выступление людей жестоко подавили автоматными очередями, погибло много невинных граждан — женщин, детей, стариков.

А в столице дальше разговоров в очередях дело не шло. Ибо и Москва, и Ленинград всегда снабжались по особой категории, а остальные города и села по первой, второй и третьей (самая плохая). Еще до войны сложилась такая практика, согласно которой москвичи, составляя лишь 2% советского населения, получали более трети всего производимого в стране продовольствия. А в общем две столицы съедали до половины всех товарных запасов. Судя по всему, запасов этих на всю страну уже не хватало к концу 1970-х годов. Вот характерное письмо этого периода в «Литературную газету» от читательницы Е. Соловьевой из города Коврова: «Хочу рассказать вот о чем. Сажу на кухне и думаю, чем кормить семью. Мяса нет, колбасу давным-давно не ели, котлет и тех днем с огнем не сыщешь. А сейчас еще лучше — пропали самые элементарные продукты. Уже неделю нет молока, масло если выбросят, так за него — в драку. Народ звереет, ненавидят друг друга. Вы такого

не видели? А мы здесь каждый день можем наблюдать подобные сцены». В сентябре 1978 года в Йошкар-Оле, например, дошло до образования очередей за хлебом, в которые нужно было вставать с вечера, как в войну. В январе 1979 года в «Правду» пришло 16 писем о таких перебоях. Но ведь газету на хлеб не намажешь, и потому люди не только писали в столицу, но и ехали. Вот откуда взялись так называемые «колбасные электрички» уже в 1970-е годы.

Вынуждая людей приезжать в столицу за продуктами, власть, таким образом, решала сложную задачу — силами самого населения развезить их куда надо. Это было в своем роде советское мешочничество. За продуктами в Москву ехали всегда — на телегах, машинах, автобусах, да и пешком. Еще в конце 1930-х годов, как сообщало НКВД, число москвичей в очередях едва превышало треть стоящих. За один лишь весенний день 1939 года количество стоящих в московских очередях к открытию магазинов превысило 44 тысячи человек. Люди специально брали отпуска, чтобы провести их в московских очередях.

Так что москвичам еще повезло — они отоваривались из центральных фондов централизованного снабжения. Мясо и хлеб, крупы и масло, сахар и яйца завозились в столицу в большем количестве из расчета на одну душу населения. Но поскольку душ этих приезжало в столицу все больше и больше, продуктов не хватало. Но власть не решалась воевать с народом старыми методами. Если еще до войны давалось указание бороться с очередями — не давать крестьянам возможности выезжать из деревень, проверять документы в московских универсамах и выдворять за пределы столицы приезжих, переворачивать очереди (это когда перед самым открытием магазина милиция разворачивала конец хвоста в его начало), — то в конце концов стало ясно, что выход один — наполнение пустых полок товарами. Но в условиях плановой экономики это было еще большей проблемой, чем просто разогнать очередь.

«Куда уходит мясо, в какие города?» Мясо в магазинах пропадало нередко после того, как где-то на краю земли Советский Союз неожиданно обнаруживал нового друга, желающего идти по социалистическому пути развития. Так случилось, например, с Кубой. Параллельно с распространением по Москве плакатов «Куба — да, янки — нет!» с московских прилавков стали исчезать говядина и свинина. Народ в очередях даром не стоял, найдя свое

объяснение происходящему: «Куба — да, мяса — нет!» А когда в некоем солидном советском учреждении местком вывесил объявление о продаже турпутевок на Кубу, кто-то приписал: «Куба — да, денег — нет!»

В 1964 году московские остряки по-своему отреагировали на отставку Хрущева, сочинив на мотив песни Пахмутовой, исполнявшейся Магомаевым, следующую частушку:

*Куба, отдай наш хлеб!
Куба, возьми свой сахар!
Куба, Хрущева нет!
Куба, иди ты на ...*

Сочинял народ и баллады:

*Хлеба нет, мука пропала.
Колбаса дороже стала.
«Это что же за причина?»
Все волнуются кругом.
Это призрак коммунизма
Не спеша идет к нам в дом.
Все увозим за границу —
Лезвия, чулки, носки:
И пшеницу, и мучицу,
Кроме тухленькой трески.
Да и той уже не стало
С той поры, как встал Хрущев
На высоком пьедестале
Государственных богов.
Наш Никита не подгадит,
Нас Хрущев не подведет,
С кукурузой жить привадит,
Только сам ее не жрет.
Мы с таким Никитою
Долго будем сытыми
Болтовнею громогласной
О дальнейшей жизни ясной.*

В 1964 году было уже не до апельсинов, не зря именно с Хрущевым люди связывали вновь наступившие продовольственные трудности: «Жили-были три бандита — Гитлер, Сталин и Никита. Гитлер — вешал, Сталин — бил, Никита — голодом морил», — таковы были начальные строки рукописной поэмы, ходившей в народе. Финал обнадеживал: «Товарищ! Верь, придет она, на водку прежняя цена, и на закуску будет скидка — недаром сбросили Никитку».

Каждый из тех, кому выпало жить в ту эпоху, мог бы поведать свою историю выживания в непростых экономических условиях развитого социализма и даже поспорить с другим на предмет того, кто и как обретал то самое «счастье», с которого мы начали эту главу. Но мы возьмем на себя смелость сказать, что наиболее любопытным и неожиданным было бы взглянуть на повседневную жизнь Москвы глазами человека, свалившегося почти с Луны. А точнее, иностранца, по собственному желанию приехавшего из-за железного занавеса, чтобы пожить среди простых и не очень москвичей. В 1971 году в Москву нелегкая принесла нового корреспондента газеты «Нью-Йорк Таймс» Хедрика Смита с женой и четырьмя детьми. Кого попало сюда бы не прислали, для освещения жизни в стране победившего социализма требовался человек опытный, съевший немало пудов соли в своей нелегкой журналистской практике. Но даже для Смита исследование повседневной жизни москвичей превратилось в постижение китайской грамоты. Регулярно сочиняя свои репортажи о жизни в Москве, американец накопил из них большую книгу «Русские», изданную в 1975 году на Западе и удостоенную престижной Пулитцеровской премии.

Оказалось, правда, что написать книгу еще полдела, а вот каким образом верно и по смыслу правильно перевести с русского языка на иностранный специфические глаголы, точно отражающие сущность быта людей? Это стало наибольшей трудностью для Смита и его читателей. Например, глагол «выбросить». Как передать его суть? Ведь в понимании иностранцев выбрасывают только плохое. А тут — «выбросили ананасы», но тогда зачем за них платить? Или «достать мясо». Откуда достать? Из-под коровы, что ли? И все в таком вот духе. Чтобы понять суть той жизни, требовалось жить ею. На русском языке «Les Russes» не выходил, и ряд глав переведен автором этих строк впервые.

Итак, американский корреспондент сообщал: «В Москве люди находятся в вечном поиске с надеждой найти то, что им очень необходимо. Если удастся что-то обнаружить, то на их языке это называется: «Выбрасывают что-то хорошее!» Это значит, что в продажу поступают хорошие товары. Предвидя удачу, женщины никогда не выходят без сетки для продуктов — авоськи. Это слово символизирует по-русски надежду на случай («авось». — А.В.). Без авоськи здесь не обойтись — ибо магазины не дают ни пластиковые, ни бумажные пакеты. По той же причине все мужчины ходят с кожаными портфелями. Я вспоминаю, какой серьезный и деловой вид был у русских с этими портфелями. Как-то я болтал с одним ученым в парке, он внезапно опустил руку в свой портфель; я думал, что он намеревается достать оттуда бумаги, чтобы показать мне. Я заглянул туда и увидел большой кусок свежего мяса, обернутый в газету. Ученый, живший за городом, купил это мясо и просто проверял — не запачкало ли оно его бумаги. Я лично убедился в том, что портфели зачастую набиты апельсинами, дефицитными продуктами, зубной пастой или порошком, а не книгами или документами».

А иногда в портфеле носили рыбные консервы — очень удобно. Герой рассказа Трифонова «Обмен» по фамилии Дмитриев приходит на похороны собственного деда в крематорий прямо с работы со своим толстым желтым портфелем, в котором лежит несколько банок сайры, купленных случайно на улице (была такая форма торговли — уличная, а сайра в масле считалась прекрасной заменой сосискам на ужин). Дмитриев чувствует себя глупо, ему неудобно, посему он прячет портфель в углу, за колонной, так, чтоб его никто не видел. Во время прощания он думает не об усопшем дедушке, мысли его заняты другим: «Не забыть портфель, не забыть портфель!» Ему на ум приходит двусмысленный вывод: смерть деда оказалась не таким уж ужасным испытанием, как он предполагал. Испытанием для чего? Для портфеля с сайрой?

«Когда русские идут в магазин, — продолжает Смит, — они на всякий случай, всегда имеют при себе значительную сумму денег, ибо в СССР нет ни кредитных карт, ни личных счетов, с которых можно платить, ни чековых книжек. Покупки в рассрочку возможны только для менее популярных товаров, таких как устаревший радиоприемник или телевизор, которые плохо продаются и от

которых продавцы не могут избавиться. Стало быть, объясняла мне молодая женщина, нужно быть готовой к случаю, если выпадет шанс напасть на что-то дефицитное: нужно всегда иметь деньги с собой. Допустим, вы внезапно узнали, что продаются хорошие туфли по семьдесят рублей. Нужно срочно занять очередь. Нет времени возвращаться за деньгами. Когда придешь, туфель уже не будет.

Есть еще один важный закон жизни здешнего покупателя: покупки для других. Это непростительный грех, к примеру, узнать о продаже дефицита (ананасы, польские бюстгальтеры, немецкие люстры или югославская зубная паста) и не купить их для своего лучшего друга, сестры, дочери, жены, зятя, соседа. Я был изумлен, узнав, что все москвичи осведомлены о размерах обуви, талии, мерках, вкусах и предпочтениях своих родных и друзей, на тот случай, когда на них прольется манна небесная в магазине, где есть все. Тогда они потратят все свои деньги.

Одна москвичка рассказала мне, что служащие больших учреждений организуют своеобразную лотерею для походов за товарами, каждый по очереди отправляется за продуктами в обеденный перерыв, чтобы избавить другого от ужасной толчеи в магазинах после работы. Зачастую женщины уходят тайком в рабочее время (каждая в свой черед), чтобы пробежаться по магазинам в поисках чего-то особенного, и возвращаются за подкреплением, если оно необходимо для больших покупок. В этом случае считается нормальным получить небольшую прибыль от перепродажи. Знакомый молодой человек рассказал мне о женщине, севшей в автобус с авоськой с двадцатью тюбиками югославской зубной пасты «Сигнал». Она была немедленно атакована вопросами: все хотели знать, где она их достала и некоторые предлагали ей перепродать пасту по более высокой цене.

Да, не зря армянское радио сообщало, что при коммунизме будет много стульев. Почему? Так все очереди будут сидячие. Распробовав нашу отечественную зубную пасту, Смит решил, наконец, испытать на своей шкуре, что такое очередь. Как-то субботним утром он отправился в молочный магазин за сыром, маслом и сосисками. Продавались эти продукты в трех разных отделах. Тут надо заметить, что процесс покупки любого продукта в московских магазинах делился на три части: сначала надо встать в очередь, чтобы повесить товар, потом встать в очередь в кассу и оплатить, а затем присо-

единиться к третьей очереди — получить вождеденный сверток. Несчастный Смит сразу смекнул, что всего ему придется стоять в девяти очередях, а дома его будут ждать все это время голодные дети! Этак он вернется лишь к обеду: «Девять очередей ожидания! Я готов был сдаться. Но вскоре я заметил, что опытные покупатели минуют первую стадию. Они узнавали цену продуктов и шли прямо в кассу. Так попытался сделать и я, и у меня получилось! Оплатив и держа в руках чек, я встал в очередь за сыром, самую длинную в магазине. Я ждал чуть менее минуты, когда дама передо мной повернулась и попросила посторожить ее место. Она умчалась в очередь за маслом и молоком. Очередь за сыром длилась так долго, что она успела вернуться со своим маслом и молоком перед тем, как мы продвинулись на метр. Я тоже рискнул уйти и также вернулся с маслом, тогда как очередь за сыром еще еле-еле тянулась. Я заметил также, что все магазины наполнены людьми, которые перемещаются, сохраняя свои места, покидают одну очередь ради другой и возвращаются. Очередь за сыром служила портом приписки для всех, ибо она совсем не двигалась. Она не дошла еще до середины, когда я вновь попросил старого господина за мной посторожить мое место и ринулся за сосисками. Опыт пришел быстро. В итоге мне понадобилось двадцать две минуты, чтобы купить сыр, масло и сосиски, и вместо того, чтобы рассердиться, я испытал неведомое ранее чувство справедливо одержанной победы над порядком, который удалось обмануть».

Кассы в советских магазинах были кондовыми, по сравнению с современными их аналогами, напоминают сегодня вымерших динозавров. Это такие железные ящики с мощными ручками, которые надо все время двигать туда-сюда, и с большими кнопками. Пробивая чек, касса издавала только ей присущий неповторимый жужжащее-скрипящий звук. Зачастую на кассах сидели женщины более чем зрелого возраста, в белых халатах, с прической «хала» на голове, а зимою в шапках. Опытные кассирши обладали наметанным глазом, сразу определявшим, как лучше дать сдачу — бумажным рублем или мелочью (что считалось порою почти унижением). Но сдачу если и давали, то всю до копейки, ибо за 1 копейку можно было купить коробок спичек, а за 2 — позвонить по телефону-автомату. Перед носом каждого покупателя висело предупреждение: «Проверяйте сдачу, не отходя от кассы», позднее переделанное в «Куй

железо, не отходя от кассы». В гастрономах перед тем, как встать в кассу, следовало сперва узнать, пробивает ли она в нужный отдел, можно было потерять немало времени, услышав из окошка: «Я в мясо не пробиваю!» В 1970-х годах в одном большом московском универсаме жулики на один день поставили «левую» кассу и весь день принимали деньги, выбивая чеки. Выручка оказалась громадная, разбогатевших за один день аферистов искали по всему Советскому Союзу.

В репортаже для «Нью-Йорк Таймс» Смит совсем застрашал своих соотечественников, сделав далеко идущие выводы: «Во всем мире покупатели иногда или часто стоят в очереди, но только в России это получило такое распространение, как пирамиды в Египте. Они необычайно показательны для русского характера и трудностей жизни в СССР. Их влияние более сложно, чем может показаться на первый взгляд. Для случайного прохожего это не более чем вереница людей, приготовившихся к некоей экономической операции для совершения своих незатейливых покупок. Но этот прохожий не знаком с тайными пружинами, внутренней энергией, особым этикетом русской очереди... Я знал людей, которые стояли в очереди по полтора часа, чтобы купить четыре ананаса, три часа на двухминутный аттракцион «Русские горки», три с половиной часа, чтобы купить три кочана капусты и услышать под конец, что капусты нет, восемнадцать часов, чтобы записаться на ковер, который поступит в продажу позже, и всю декабрьскую ночь, чтобы попасть в список на машину, которая будет с большой вероятностью через полтора года.

Очереди бывают на несколько метров или километр, двигаясь со скоростью улитки. Некоторые наши московские друзья фотографировали очереди, стоявшие два дня и две ночи, по четыре человека в ряд, извивавшиеся как змея и терявшиеся где-то далеко за горизонтом. Они подсчитали, что в этой очереди стояло от 10 до 15 тысяч человек, мечтавших записаться на покупку машины, возможность чего открывалась лишь один раз в квартал. Некоторые обогрелись у костров, чтобы не замерзнуть, а отблеск костров, как и шумные перепалки, не давали нашим друзьям спать всю ночь».

Став счастливым обладателем московских сосисок, американец решил было, что так и надо: стой сразу в трех очередях и обманешь советскую действительность. Но не тут-то было. Это касалось лишь

продовольственных продуктов, что же до одежды, промышленных товаров, то здесь борьба обострялась. И покинув очередь со словами: «Вы будете стоять? Я отойду на минутку», — можно было в нее уже не вернуться. Следовало серьезнее относиться к указанию того интервала времени, на который человек исчезал из очереди. Допустим, он говорит, что уходит на две минуты, а его нет все десять. Битва за счастье осложнялась тем, что товар постепенно заканчивался и люди в очереди все больше нервничали — а хватит ли им? И тогда вернувшемуся в очередь человеку показывали фигу: «Вас здесь не стояло!» Начинаясь жуткий скандал, который в исключительных случаях мог перейти и в драку. Только стоявший сзади мог заступиться, подтвердив, что, мол, да, помнит, был перед ним этот гражданин. А мог и не узнать... В очереди каждый сам за себя, как в джунглях. Кроме того, активные представители очереди были вправе подвергнуть опоздавшего страшному наказанию — не давать ему более одной штуки или килограмма в руки в наказание за его долгое отсутствие.

А вот столичные булочные Смиту пришлось по сердцу, в них было что-то от родной Америки. Покупатель мог свободно подойти к деревянным прилавкам с разным хлебом (белым и черным, по 16, 18, 22 и 25 копеек и т.д.) и, вооружившись металлической ложкой с длинной ручкой, проверить его на свежесть. Некоторые, правда, так усердно нажимали, что хрупкая корочка продавливалась, обнажая ароматный белый мякиш белого батона. Кстати, москвичи говорили «батон», а ленинградцы «булка».

Иностранцев удивляла низкая стоимость хлеба, самого доступного продукта в Москве. Государство пыталось приучить народ к его экономии — стены булочных были обклеены агитационными плакатами «Хлеб — всему голова», «Хлеба к обеду в меру бери!» и т.д. Но очередей в булочных не было, они остались лишь в памяти, в начале 1960-х годов. Трудно поверить, что хрущевская оттепель могла закончиться введением карточек на продукты, в т.ч. и на хлеб. В 1963 году впервые было закуплено зерно за границей — это стало выходом из катастрофического положения на все последующие годы развитого социализма.

«В стране назревает катастрофа, — записал в ноябре 1963 года в дневнике критик Лев Левицкий. — Хлеба не хватает, скот режут, за всем километровые очереди, жизнь заметно вздоржала». В те

дни в Москву приехала французская писательница Натали Саррот, урожденная Наталья Черняк, прекрасно говорившая по-русски. Пришла она в гости к Константину Паустовскому на Котельническую набережную и начала рассказывать про вранье советского гида, объяснявшего ничего не понимавшим по-русски французам, что это за очереди стоят по всей Москве: «Эти москвичи хотят купить апельсины, спрос на которые в связи с ростом благосостояния увеличивается с каждым днем». Она-то видела, что стоят за хлебом, но не сказала ни слова, опасаясь за судьбу своих родственников, что еще проживали в Советской России.

В Москве — мировой столице — потребители зависели от настроения продавца, в то время как за рубежом к тому времени получила повсеместное распространение такая современная форма торговли, как супермаркет, при которой покупатель имеет кратчайший доступ к продуктам. В Москве лишь с начала 1970-х годов потихоньку стали появляться типовые магазины самообслуживания, в основном в спальных районах. Поначалу народ просто ходил поглазеть — это выглядело необычно, при входе надо было брать специальную корзину или тележку на колесиках. Удивляло, что продукты лежали на прилавках свободно, не надо было пробираться к витрине, чтобы узнать, чем торгуют. Достаточно было взять кусок сыра или масла, упакованные в целлофан, чтобы с ним проследовать на кассу и занять там очередь. При выходе из зала контролеры могли проверить хозяйственные сумки, если покупатель не оставил их при входе. Но сыр («Пошехонский», «Российский», «Костромской» с пластмассовыми циферками) или масло («Крестьянское») недолго лежали на прилавках. Их успевали расхватать сразу после того, как из подсобки вывозили тележку. Покупатели, уже специально ждавшие этого кульминационного момента, набрасывались на продукты, хватая любой кусок, попадавший под руку. В народе магазины самообслуживания получили название «самбери».

Марина Влади в период своей жизни в одном из спальных районов Москвы также посещала магазин самообслуживания, визит в который окончился для нее плачевно. Придя к гастроному, он увидела толпу закутаных женщин, ждущих открытия магазина после обеда: «Я рассчитывала подойти попозже — я знаю, что в такое время каждый раз бывает давка, куда я предпочитаю не попадать. Продавщица, должно быть, запаздывает, потому что все

небольшое собрание недовольно жужжит (*Наивная француженка! Продащица не опаздывает, а задерживается, это во-первых, а во-вторых, ноги-то у нее не казенные!* — А.В.). Мой приход ненадолго отвлекает их от разговора, но плохое настроение сильнее, чем любопытство, и все снова принимаются ворчать. И вот дверь магазина открывается. Как взбудораженный курятник, толпа устремляется в дверной проем, переругиваясь и пихаясь. В дверь могут пройти одновременно только два человека. Я жду и вхожу последняя в холодный и сырой торговый зал. Я сразу же определяю по запаху, что сегодня привезли только молочные продукты, масло и — если еще не раскупили — сыр. Этот магазин самообслуживания совсем новый, но полки уже в безобразном состоянии, а у корзин осталось по одной ручке.

Редко лежащие продукты завернуты в противную толстую серую бумагу, на которой фиолетовыми чернилами помечена цена. Это мой первый поход в магазин в новом районе. Я покупаю кое-что из продуктов и становлюсь в очередь в кассу. У меня пять пакетов разных размеров. Я плачу и собираюсь уже уходить, но тут контролерша на выходе заставляя меня открыть сумку, вынимает оттуда все мои покупки и потрясает каким-то свертком. Какой ужас — у меня оказался лишний кусок сыра на двадцать восемь копеек, который кассирша не пробила! Мне становится жарко и почти дурно, к тому же мне стыдно, потому что все остановились и смотрят на меня. Я робко говорю, что кассирша забыла пробить, что ничего страшного не произошло, я сейчас доплачу...

— Ах, вот как, кассирша забыла? Знаем мы эти песенки, вот так и создают дефицит! Если одна украдет (она употребила именно это слово) кусок сыра, другая — кусок масла, что будет с государством?!

Я — как в кошмарном сне. Вокруг кричат, женщины ругаются, я вынимаю из кошелька, все мои советские деньги и бросаю их на прилавок:

— Возьмите, мне не нужны ваши деньги.

Женщин это приводит в бешенство:

— Нашими деньгами так не бросаются! Мы их тяжело зарабатываем — не то, что некоторые!..

Я чувствую, что сейчас упаду в обморок, я вся взмокла, мне хочется плакать. Я вынимаю из сумочки франки и в каком-то дурацком порыве, рассчитывая доказать мои искренние намерения, предлагаю

им заплатить в валюте. И вот тут меня единодушно выталкивают вон, и я стою в замерзшей грязи под водопадом ругательств, прижимая к груди свертки».

А дома Марину Влади уже ждал Высоцкий. Он все понял по ее покрасневшим глазам и шапке набекрень. Увидев, как она прижимает к себе маленькие серые свертки, он забрал их у жены, обнял ее за плечи и утешил: «Ты ходила за покупками? Да, бедненькая моя?.. И все-таки ты должна понять этих женщин. Для тебя это всего лишь неприятная история. Она скоро забудется. А они живут так каждый день. Прости их. Завтра я оставлю тебе машину». Больше Марина Влади с простыми москвичами не сталкивалась. Хорошо, что знакомые директора продуктовых магазинов оставляли для Высоцкого парное мясо, копченую рыбу, свежие фрукты, ими-то он и кормил привыкшую к парижским деликатесам супругу.

А тем временем нашего журналиста Смита занесло на проспект Калинина: «В большей части магазинов покупатели не могут обслуживать себя сами и вынуждены общаться с продавцами через прилавок. Появление самообслуживания начинает менять этот подход. Но изменение идет очень медленно, ибо русские ужасно консервативны. В самом центре Москвы, например, в большом магазине на проспекте Калинина люди привыкли покупать муку в мешках, сахар в коробках, макароны в пакетах, но много тех, кто предпочитает стоять с банками в руках за сметаной, вместо того, чтобы купить уже готовые упаковки, тогда они потеряют на это меньше времени. Другие предпочитают лучше уйти в другие места, ибо они считают себя оскорбленными тем, что охранники магазинов самообслуживания досматривают содержимое их сумок».

Проспект Калинина — так могли его называть исключительно гости столицы, ориентируясь на карту города. Москвичи же упорно говорили: Новый Арбат. Его проложили через заповедные переулки Арбата, превратив в Старый. Если Сталин оставил после себя семь высоток, то Хрущев — дома-книжки Нового Арбата, по праздникам превращавшиеся в огромные экраны, которые вмещали в себя четыре огромные буквы «СССР». В очередях москвичи судачили, что мол, поехал Никита в Америку и усмотрел там небоскребы, и сказал — а почему у нас таких нет? Без небоскребов Америку точно было не перегнуть. Проспект получился похожим на западные авеню в старом кино — выстроенные в одном стиле многоэтажные

высотные дома на всем его протяжении, широкие пешеходные зоны для прогулок. Те москвичи, что не бывали на нью-йоркских авеню, в штыки восприняли первую целиком и заново отстроенную московскую улицу, обозвав ее «вставной челюстью» и «посохинскими сберкнижками». Последнее определение связано с именем главного архитектора Москвы Михаила Посохина, по слухам, заработавшего приличную сумму на проектировании проспекта.

Но для простого народа главной достопримечательностью Нового Арбата стали многочисленные магазины на первых и вторых этажах зданий, манящие своими неоновыми вывесками, стеклянными витринами и вкусными названиями: универсам «Новоарбатский» (в нем-то и побывал американец), рестораны Ангара» и «Печора», кафе-мороженое «Метелица», «Дом хлеба» (дважды в день завозили свежий хлеб), а еще «Мелодия» (мекка меломанов), «Сирень», «Весна», «Юпитер», «Москвичка», «Малахитовая шкатулка», «Подарки», «Синтетика», «Дом книги» и кинотеатр «Октябрь», Институт красоты. Те, кто работал в окрестностях проспекта Калинина, в обед смело отправлялись сюда за покупками, никогда не уходя с пустыми авоськами.

Главное было не угодить в незапланированный перерыв. Была такая специфическая особенность работы московских магазинов и организаций, как неожиданное закрытие. Часто на дверях приходилось видеть табличку «Инвентаризация», «Закрыто по техническим причинам», «Ремонт», а на киосках — «Ушла на базу», «Тары нет». Последнюю формулу юмористы переквалифицировали: «Я никогда не буду с тарой».

Но к этому москвичи тоже привыкли. А вот иностранцы почему-то возмущались: «Многие московские учреждения закрываются без малейшей заботы о клиентах. Буфет гостиницы “Украина” закрыт с полудня до 2-х часов. Парк имени Горького, куда приходят любители зимнего катания на коньках, регулярно закрыт в лучшие часы для отдыха: по субботам с четырех до шести. Более того, как я узнал на собственном опыте, кассы упорно отказывались продавать входные билеты после трех часов. “У Вас не будет времени переодеться”, — сказала мне нелюбезно одна из кассирш, и никакие убеждения на нее не действовали».

Однако в мрачной московской действительности Смит все же разглядел тонкий лучик позитива: «Единственно хорошим резуль-

татом вечной борьбы потребителя за возможность что-то купить, стало то, что покупки вроде бы обычных вещей стали радостью для москвичей. Русские меньшие материалисты, чем американцы, и в тоже время вещи более простые вещи приносят им большее удовольствие, истинную радость, чем для европейцев, для которых покупки более прозаичны, не приносят им испытаний»... «В Америке, сказал мне один русский журналист, который выезжал в США и узнал американцев, если ваша жена купила новое платье, и я это заметил, я скажу ей комплимент, и на этом все закончится. А в Москве, когда я достану пару ботинок, которые мне нравятся, это достижение. Это значит, что я провел сложные манипуляции, что имею рекомендации от кого-то, что дал на лапу продавцу или бегал из одного магазина в другой и что я простоял в очереди часы. Вы заметили, что я сказал «достать», а не купить. Когда я буду обладать ботинками, я буду очень горд. И мои друзья скажут: “О! У вас новые ботинки! Где вы их достали?” Это не банальный политес, а искренний вопрос. Потому что они думают, что я помогу им их купить. Американцы не могут понять: как такое может быть? В этом есть резон, ибо я буду блистать с радостным возбуждением в глазах женщин, которые стоят полдня за такими банальными вещами, как парик или югославский свитер. Это зрелище согревает сердце. Одна из добродетелей, порожденных этой ситуацией, есть солидарность. Русские готовы всегда поделиться своими деньгами с друзьями и коллегами, чтобы дать им возможность сделать важную покупку. Парадоксально, русские менее богаты, чем американцы, но более щедры. Люди находят возможным как брать, так и дать взаймы и 25, и 50, и 100 рублей до конца месяца, если они у них есть или если им нужны деньги. Для большинства, деньги менее важны, чем хорошая возможность их потратить».

Все верно. Трудности в обретении той или иной вещи значительно повышали ее ценность в глазах человека. Тут и возникала сакральность. Сырокопченая колбаса «Московская», принесенная домой после трехчасового стояния в очереди и заботливо припрятанная в глубину холодильника за два месяца до ближайшего праздника, — это вам не банальная мясная нарезка, приобретенная на бегу. Такая покупка приносит искреннюю радость человеку, будто побывавшему в первобытном времени, когда все было так просто — сначала охота на мамонта, а потом его коллективное употребление в виде

вкуснейшего шашлыка. И радость — от того, что видишь результаты своего труда, ощущаешь нужность своих хлопот. А на работе что — сидит человек за своей конторкой от звонка до звонка, от полочки до полочки, время убивает. Сплошная уравниловка. И никому это не нужно, только некоей Галине Леонидовне, т.е. «для галочки». По поводу радости ходил в народе такой анекдот:

«— Рабинович, почему вы хотите в Израиль?

— Надоели праздники! Хочу работать!

— Что вы имеете в виду? Какие праздники?

— Колбасу купил — праздник, туалетную бумагу достал — праздник!»

Галина Вишневская почему-то не желала радоваться вместе со всеми и, подобно Рабиновичу, используя открывшуюся возможность, покинула страну очередей, написав о своей повседневной жизни весьма жестко: «Правительство специально создает бытовые трудности, чтобы, измотав человека до чертиков в глазах, отвлечь его от более важных проблем. Чтобы после работы и толкания в очередях он имел бы силы лишь дотащиться домой и, выпив бутылку водки, лечь спать. А там, глядишь, и прошла жизнь в ежедневной изматывающей войне с трагическими поражениями и блестящими победами, в нескончаемой борьбе с могучим Дефицитом, ибо он, как стоглавая гидра, — отсечешь ему одну голову, на ее месте немедленно вырастает другая».

Про водку это очень точно, она являлась стратегическим продуктом, дефицит которого был просто не допустим. Пусть цена на нее повышается, но водка должна в магазинах быть всегда: «Передайте Ильичу, нам и десять по плечу! Ну, а если будет больше, мы устроим так, как в Польше!» И ведь устроили — только чуть-чуть позже, после горбачевского антиалкогольного указа.

Вишневская и Ростропович, пока имели возможность выезжать за границу и работать там (заработок обычно составлял 10 долларов в день), привозили оттуда все, что можно: мебель, посуду, белье, холодильники, машины, рояли, одежду, нитки, растворимый кофе, колбасу, кастрюли, стиральный порошок. Иностранцы таможенники, наверное, сильно удивлялись содержанию их багажа.

Мясо для народа тоже закупали за границей, Брежнев как-то спросил своего премьера Тихонова: «Николай, ты когда народ мясом накормишь?» — «Да я бы рад, Леонид Ильич, да никто

столько не продает». Советские врачи советовали: мясо коровы и свиньи вредно для здоровья, лучше есть курицу, для чего в стране понастроили кучу птицеферм, где бедных птиц, похоже, плохо кормили и выгоняли на исправительные работы. А как иначе объяснить их голодный синий цвет? Так они и лежали на витрине, сваленными в кучу, с длинными когтистыми лапами. Жарить это так называемое «мясо птицы» было бесполезно — одни кожа да кости. Один способ — варить, но как? И здесь тоже был изобретен свой, народный способ доведения жилистой и костлявой курицы до состояния, приемлемого к употреблению — опускать в кастрюлю стеклянную пробку от графина. Якобы этот процесс значительно смягчал куриное мясо, как тот топор в русской сказке.

Но где же доставала продукты прочая московская интеллигенция? Смит пишет о том, как однажды побывал в гостях у Андрея Вознесенского в высотке на Котельнической набережной. Поэт устроил в честь американца и его жены роскошный ужин: икра, семга, оливки, сервелат и прочие деликатесы. Возможно, что этот пир горой и остался бы единственным потрясением для иностранного гостя, если бы в квартире не затрезвонил телефон. Вознесенский взял трубку и очень сердечно поприветствовал звонящего. Вдруг он зажал трубку рукой и обратился к Смицу: «Вы не могли бы помочь достать билеты на завтрашний хоккейный матч Швеция — СССР?» Вопрос не застал журналиста врасплох: он как раз принес собою билет, специально, чтобы подарить его Вознесенскому, но ждал приличествующего момента для вручения. «Надо же, какое совпадение!» — скажет читатель. Да, чего только не бывает в жизни. Но поражает дальнейшая реакция поэта: он сказал, что ему звонит человек, самый нужный для него в жизни. Но это не какой-то его поклонник из ЦК, способный решить вопрос об его очередной заграничной командировке или издании новой книги стихов. Оказывается, что Вознесенскому позвонила директор крупного московского гастронома, которая и снабжала поэта деликатесами. В подтверждение своих слов он обвел глазами уже изрядно подчищенный стол, надо думать, в это время у заморского гостя зародилось даже некоторое смущение. Он ведь съел уже немало столь драгоценных продуктов. Вознесенский стал умолять Смита отдать билет на хоккей директорисе, поскольку она бедная так в них нуждается. Сама-то она и так пойдет на хоккей (ее муж какая-то

шишка), но билет предназначается для ее любовника, тоже любителя хоккея. Ничего не поделаешь, пришлось согласиться.

Наивность американца бросается в глаза даже невооруженному взгляду. Кого он хотел удивить хоккейными билетами в Москве? Вот если бы он принес настоящие американские джинсы или апельсины... Дефицит в системе ценностей большинства москвичей той эпохи стоял на первом месте. В фильме «Москва слезам не верит» персонаж Владимира Басова — зам. начальника главка — приходит в гости на званый ужин с черным портфелем (опять портфель!), из которого вынимает подарки: жалкий букетик цветов и целую гору заветных железных баночек — икра, крабы, печень трески, шпроты. При этом он говорит: «Это моя доля!» Все верно, вот это деловой и привычный подход.

Поддержка приятельских (а лучше — дружеских) отношений с работниками сферы торговли была основным условием доступа к дефицитным продуктам. Директора центральных магазинов Москвы не испытывали нужды в друзьях. Приемная директора гастронома № 1 на улице Горького, бывшего Елисеевского, с утра до ночи была полна посетителями — узнаваемыми артистами театра и кино, звездами эстрады, писателями, спортсменами, даже космонавтами. Большие начальники сами не приезжали — присылали шоферов, складывавших коробки со всякой всячиной в багажники персональных черных «Волг».

«Отличник советской торговли» Юрий Соколов вел себя так, будто ничего со времен Елисеевых не изменилось. Они-то в 1901 году открывали свой «храм обжорства» как магазин колониальных товаров, но и Соколов по-хозяйски чувствовал себя в их кабинете. Его магазин всегда получал с базы самые свежие и редкие продукты, которыми Соколов торговал из-под прилавка или «из-под полы» — то есть не пуская их в свободную продажу, а придерживая для нужных людей. Соколов в ответ на их просьбы — кому на свадьбу, кому на юбилей или семейный праздник — одаривал (за деньги, разумеется) деликатесами: одному балычок, другому ветчинку, третьему анчоусы, четвертому финский сервелат. Та же самая картина наблюдалась и в других гастрономах, например, в «Смоленском» в конце Старого Арбата. Все было похоже. Только фамилия тамошнего директора была иной. Какой? А не все ли равно, таковы были правила игры, система взаимоотношений, если хотите.

Чтобы стать клиентом Соколова нужна была рекомендация от проверенного человека — это было привычное дело. «Я от Ивана Ивановича», — расхожая фраза и одновременно рекомендация того времени, означающая «блат». Блат — это пропуск к дефицитным благам и товарам посредством неформальных контактов. Пришедших в кабинет к Соколову новых посетителей он встречал не то, чтобы небрежно, а с некоей едва уловимой усталостью в глазах от постоянных усилий доказывать людям, что кем бы они ни были, это не они для него, а он для них существует. Один такой в Москве. На столе директора всегда лежала высокая пачка визитных карточек — демонстрация широты его клиентуры. Естественно, что проблем у Соколова не было ни с чем — ни с билетами на хоккей, в театр, на концерт. Даже жена его была не как у всех, и звали-то ее не по-русски — Флорида, и служила она не врачом поликлиники (как супруга Виктора Гришина), а директором магазина «Подарки» в начале улицы Горького. Торговля дефицитом стала семейным бизнесом Соколовых.

Юрий Соколов и был подлинным хозяином жизни в Москве, не зря же его продуктовый клондайк расположился почти напротив Моссовета, обозначавшего номинальную «народную» власть в городе. Директор гастронома, разъезжавший на «Мерседесе», поднялся на такую недосыгаемую высоту, падение с которой было весьма болезненно. Слишком уж ярко проявлялось его значение, ибо на «мерседесах» в те годы позволяли себе ездить преимущественно медийные фигуры — Владимир Высоцкий, Сергей Михалков, Андрей Миронов. А тут торгош какой-то (словечко ушедшей эпохи). Это было нетипично.

Возможности у «торгашей» были безграничны. Как-то в середине 1970-х годов произошел такой случай. Член Политбюро товарищ Пельше ехал себе спокойно по Рублевскому шоссе на «членовозе», пока вдруг его не обогнал какой-то наглец на иномарке. А обгонять правительственные кортежи тогда, да и сейчас, было весьма опасно. Пельше приказал немедля остановить машину и проверить документы у водителя. Оказалось, что за рулем сидел сын заместителя директора одного из гастрономов Москвы, предъявивший работникам ГАИ спецталон (аналог мигалки, дававший огромные привилегии его обладателям). В результате расследования установили, что спецталоны выдавал по дружбе всем этим «гастрономам» один из руководителей московской госавтоинспекции.

Работники торговли были основными объектами критики в том же журнале «Крокодил», подвергаясь обструкции за обвес, обсчет покупателя, хамское к нему отношение. В некоторых московских магазинах первое, о чем спрашивали свежего выпускника торгового техникума, было: «Воровать умеешь?» — «Нет? Научим!» И учили довольно быстро — как, в частности, заработать на мокром сахарном песке. Ставишь мешок в пятьдесят кило на ночь рядом с тазом с водой, а утром его на продажу: мокрый сахар и весит больше. А потом люди удивлялись — почему это у них в сахарницах песок будто каменный. И как только с торгашами этими ни боролись, даже народный контроль ввели, это когда группы трудящихся с предприятий приходили с проверкой в магазины. Только народные контролеры тоже люди, им тоже есть хочется.

Народ попроще, который никогда не решился бы подойти к кабинету Соколова и его коллег на километр, водил знакомство с продавцами отделов. Самым главным (не по должности, а по значению) был мясник — куда уж до него сотрудникам всех этих «бакалей» и «овощей-фруктов». Это была одна из самых бластных и доходных профессий. Мясник ни в чем не нуждался — в нем испытывали необходимость, ибо кушать хотели все. Вот герой кинофильма «Парад планет» — мясник по кличке Султан (его играет Сергей Шакуров), в те дни, когда он рубит, подсобка наполнена самыми разными людьми, стоящими вдоль стенки и ждущими своей очереди. Он с гордостью рассказывает о круге своих друзей, среди которых есть даже один академик.

Когда мясник стоит над тушей мяса, он не просто рубит — он священнодействует. Как Микеланджело, отсекающий от глыбы мрамора все ненужное, он берет из мяса все лучшее — вырезку, окорок, шейку — и раздает это своим знакомым и их знакомым. Оставшиеся жилы да кости — на прилавок, к которому уже выстроилась очередь страждущих счастливиц, с боем пробившихся к прилавку мясного отдела после обеденного перерыва. Хотя бы им на котлеты хватило! Именно после обеда в магазинах все время что-нибудь выбрасывали, делая дневной план. Поэтому надо было подойти к закрытым дверям минут за пятнадцать до открытия и твердо занять место под солнцем. Как говорил пес Шарик из деревни Простоквашино: «Мясо лучше всего в магазине покупать — костей больше!»

Директора мясокомбинатов Москвы никогда не ели продукцию собственного производства, сообщая по секрету военную тайну своим знакомым: «Никогда не покупайте в магазинах колбасы. Если бы вы знали, из чего мы ее приготавливаем, вас бы тошнило целую неделю!» А у Юрия Никулина был знакомый мясник, у которого он попросил топор для одной своей репризы, затем тот специально приходил в цирк на Цветном бульваре посмотреть клоунаду. «А мой топор-то ничего. Смешной. Ты приходи в магазин, хорошее мясо выберу!» — обрадовал мясник Никулина.

А те, кто располагал средствами, ходил не в московские магазины, а на Центральный рынок на Цветном бульваре: «Нам очень нравятся здешняя атмосфера, шумы и резкие запахи. Здесь можно купить у краснощеких баб разноцветные грибы, свежий творог, яйца, даже иногда — домашнее масло, мед и разные крашенные деревянные игрушки. Зимой — яблоки, сморщенные, как и старухи, которые их продают, но такие вкусные, если их запечь в духовке с куском свинины или уткой», — писала Марина Влади. Ну, что здесь скажешь: «Приятного аппетита!»

Простой народ продолжал ходить с гирляндами из туалетной бумаги. Было такое народное средство — как удобно и легко унести из магазина купленную туалетную бумагу. Туалетная бумага — она ведь большая, пухлая, это какая же авоська нужна для того, чтобы десять-двадцать рулонов туда впихнуть? Вот и придумали женщины — брать бечевку, нанизывать на нее рулоны, а потом вешать на шею как чемпионскую ленту и вперед! Но сначала надо было отстоять очередь за туалетной бумагой. Был в Москве такой поэт Александр Николаев, известный тем, что потерял на войне правую руку. И вот заходит он как-то в универмаг, а там бумагу туалетную выбросили, и очередь на два этажа. Набрался он храбрости (артиллерист!), подошел к прилавку и книжечку красную показывает, инвалида войны. Тут сразу на него и накинулись: «Почему без очереди?» — «Инвалид!» — «Подумаешь, руку ему оторвало!» — «Руку мне оторвало, но ведь задницу-то не оторвало!» Так под смех толпы он и ушел с заветными рулонами.

Дефицит туалетной бумаги порождал больше всего шуток. Аркадий Райкин с успехом хохмил, что скоро ее нужно будет сдавать в химчистку. Советский фольклор обогатился такими анекдотами: «Самый лучший подарок — носки, завернутые в туалетную бумагу»

гу», «Идет человек по улице, на шее связка рулонов туалетной бумаги. Прохожие к нему бросаются, спрашивают: “Где? Где выбросили? — “Да нигде, это я из химчистки несую”»», «Загадка: что такое “Идет дефицит в дефиците, несет дефицит в дефиците”? Это идет сантехник в дубленке, несет копченую колбасу в туалетной бумаге». А про колбасу говорили и так: «В отдельных магазинах нет “Отдельной” колбасы». «Отдельная» — это название, а продавались еще «Докторская», «Останкинская», «Молочная» и даже «Молодежная». Качество колбасы было соответствующее. И на эту тему тоже был анекдот: встречаются двое приятелей на улице, один другого спрашивает: «Слушай, ты что такой синий — замерз, что ли?» — «Да нет, поел, понимаешь, докторской колбасы, так вот сам весь почему-то посинел, а воротничок накрахмалился!»

Право покупать без очереди правительство предоставило инвалидам войны с благой целью: дабы избавить их от дополнительных хлопот. Но привело это к обратному результату — к раздражению со стороны тех, кто такой льготой не обладал. Люди в штыки воспринимали инвалидов с красными книжечками в руках. Вспоминается эпизод из фильма «Операция Ы и другие приключения Шурика», когда в адрес инвалида (его играет Евгений Моргунов) раздается: «Где этот чертов инвалид?» И это еще ничего, бывало и хуже. Следовало запастись изрядной долей терпения и нахрапистостью, чтобы реализовать свое законное право. Некоторым, вооруженным костью и палкой, и это удавалось.

Была и еще одна попытка частичного решения проблемы дефицита с помощью так называемых продовольственных заказов, которые давали людям на предприятиях по праздникам. В магазинах создали специальные отделы — «столы заказов», где также отоваривали заслуженных людей, ветеранов Гражданской и Великой отечественной войны, участников Великой октябрьской социалистической революции, Героев Советского Союза и Социалистического Труда. Но эти «столы заказов» часто пребывали в закрытом состоянии.

Заказ нередко состоял из гречки, батона колбасы варено- или сырокопченой, пачки масла сливочного, венгерского цыпленка-бройлера, банки импортного зеленого горошка или маринованных огурцов и помидоров, сгущенки, банки шпрот, тушенки, растворимого кофе (в круглой коричневой банке — потом очень

подходила для гвоздей), пачки индийского чая со слонем, иногда давали и баночку красной, реже черной икры. Это был настоящий праздник для простого советского человека.

К тому, кто был в семье главным «добытчиком» дефицита, относились с пиететом и трепетом. Дедуля, отваривавшийся регулярными ветеранскими заказами, оправдывал свое существование в семье еще и как источник той же гречки или колбасы, а также стиральной машины или пылесоса. В глазах выросших внуков-балбесов его увядшая было значимость серьезно возрастала. С азартом и чувством глубокого удовлетворения, с огоньком в глазах приходили седые «кормильцы» домой, искренно полагая, что авоська с «заказом» — это и есть отличный и заслуженный итог их нелегкой жизни. Они даже не чувствовали какого-либо унижения, не предполагая, что там, за бугром, те, кого они в 1945-м победили, живут гораздо лучше.

Но советская закалка не спасала тех, кто попадал за границу. Им становилось дурно и физически, и морально. Майя Плисецкая рассказывает, как во время гастролей Большого театра по США сошел с ума ее коллега: «Один из тихих артистов Большого, истерзанной коммунистической пропагандой и попавший внезапно с трупой за океан, где на него лавиной обрушилось товарное изобилие магазинов, витрин (а он-то заученно знал, что вся Америка стоит с протянутой рукой и побирается милостыней), сошел с ума, свихнулся. Взаправду. Это подлинная история. Наша советская жизнь. Помешательство “тихони” было буйным. Он истерично молил театральное начальство и слетевшихся на “скандальный огонек” работников советского посольства немедленно вернуть его на Родину, в СССР. Там ему все ясно было. Все по логике. А тут?.. Его тотчас и отправили».

А Владимира Высоцкого, когда в 1973 году он впервые попал в Западный Берлин, просто стошнило. Он шел по улице с широко открытыми глазами мимо магазинов, полки которых ломились от мяса, сосисок, колбасы, фруктов, консервов, и не верил своим глазам. Вдруг он побледнел, и согнулся пополам. Чуть не плача, он обратился к своей жене: «Как же так? Они ведь проиграли войну, и у них все есть, а мы победили, и у нас нет ничего! Нам нечего купить, в некоторых городах годами нет мяса, всего не хватает везде и всегда!». Вот почему советским людям было вредно выезжать

сразу в капиталистические страны. И забота партии об этом была оправданной.

Кто такие «гуманисты»? Это люди, часто ходящие в ГУМ, куда очередь занимали ночью, еще до открытия метро. В Москве было несколько универсальных магазинов, куда устремлялись москвичи и гости столицы с целью купить, что выбросят. Это ГУМ, ЦУМ, «Москва» на Ленинском. С ГУМом все было проще — он и по сию пору стоит напротив Мавзолея. После долгого перерыва торговые функции были возвращены ГУМу 31 декабря 1953 года. Эти бывшие Верхние торговые ряды были построены еще в конце XIX века вместо старого обветшавшего торжища; при Сталине ГУМ превратился в запретную зону, куда можно было проникнуть только по спецпропускам. А все по причине страха, что какие-то злоумышленники, проникнув в ГУМ, убьют стоящих на Мавзолее руководителей партии и правительства.

Странно, что люди не путали очереди — поглазеть на усопшего вождя мирового пролетариата тоже выстраивался огромный хвост (как символично!), но в ГУМ — дореволюционный торговый центр Москвы — еще длиннее. Все было логично для приезжих: сначала к Ильичу (это святое!), затем уж торговая программа.

Секретарша Верочка из «Служебного романа» просвещает свою недалекую начальницу Калугину: «Вчера в ГУМе блейзеры выбросили!» — та в ответ не стесняется продемонстрировать свою серость: «А это что такое?» — «Клубный пиджак!» — «Для дома культуры что ли?» — «Туда тоже сойдет!» Конечно, где Калугиной знать, что такое блейзер, она ведь в кабинете сидит с утра до вечера, с дефицитом борется, вместо того, чтобы, как все нормальные люди, в рабочее время по магазинам пробежаться. А вот Верочка — образец современной москвички: и одевается модно и стильно, и сапоги где-то достала импортные, и примеряет их в самого утра на рабочем месте. «Наряды у нее сплошь заграничные, а зарплата как у всех. И как ей это удается!» — удивляется еще один никудышный продукт эпохи, товарищ Новосельцев, потенциальный кухонный диссидент в белых носках и коротких брюках.

В трехэтажном ГУМе была масса отделов — секций, очереди струились там по лестницам, представляя собою длиннющие загогулины, найти конец которых было порою труднее, чем развязать морской узел. Имелась в магазине и пресловутая «двухсотая» сек-

ция, где отоваривалась импортными шмотками номенклатура, да еще дикторы центрального телевидения — их ведь не выпустишь на голубой экран в том, что простой народ носит.

Многолетний член президиума Верховного Совета СССР, орденосец и лауреат, поэт Расул Гамзатов с гордостью рассказывал своим друзьям, что его дочь сидит за одной партой с сыном директора ГУМа. Более того, он сам смог с ним познакомиться на родительском собрании в школе на Ленинском проспекте, где учились их дети. Школа была специальная, с английским уклоном, в ней учились отпрыски многих влиятельных людей, членов Политбюро. Но из всех шишек лишь директор ГУМа был для автора «Журавлей» главным.

С 1965 года в Москве стали появляться первые универсальные магазины, торгующие исключительно импортными товарами из стран народной демократии. На Ленинском проспекте открылся универмаг «Лейпциг», куда устремлялись за продукцией повседневного спроса из Германской Демократической республики. Здесь можно было достать неплохие немецкие пальто и плащи, бюстгальтеры и колготки, женские парики, столовую посуду — бокалы для коктейля с картинками и, конечно, сервиз «Мадонна» — мечту московских домохозяек. Правда, прежде следовало отстоять приличную очередь, зато в награду — действительно товар немецкого, а не китайского производства.

А какие были там детские игрушки! Куклы, модели автомобилей, железная дорога, к которой можно было постоянно докупать рельсы (на 12 или 16 мм), станции, вагончики и паровозики, переезды и тоннели, всякого рода домики. Вслед за «Лейпцигом» в Москве открыли «Прагу», «Софию», «Будапешт», «Ванду», «Польскую моду», «Власту», «Ядран», «Белград» и другие магазины, представлявшие продукцию социалистических стран.

Модный пиджак или спортивный костюм можно было приобрести и в других магазинах с чисто русским названием — «Березка», в столице их было порядка пятнадцати. В «Березке» на Пятницкой продавали обувь, на Кропоткинской — книги и грампластинки, в других — продукты и промтовары. Проросли «Березки» в середине 1960-х годов, чему причиной была отнюдь не забота родной партии о народе. Ему, народу, и рубли в радость были, а тут — доллары, марки, франки и даже фунты стерлингов, будь они неладны. Просто

советские граждане стали то на одном краю Земли, то на другом что-то возводить — завод, фабрику, электростанцию. А зарплату получали в валюте, которую обязаны были после долгожданного возвращения на родину обменивать на чеки «Внешпосылторга». По этим чекам в «Березке» продавали все: и вкусный дефицит (от икры, водки в импортном исполнении до белуги и семги), и заграничную одежду (американские джинсы, английские пальто, итальянские сапоги, венгерские батники), и французские духи, и бытовую технику (фотоаппараты «Сони», кассетные магнитофоны «Грюндиг»), и автомобили. Как раз в «Березке» Самохвалов из «Служебного романа» купил себе новую «Волгу» со встроенным стереомагнитофоном, показавшуюся Новосельцеву малогабаритной квартирой. Он поработал в Швейцарии в одном из советских представительств и вернулся в СССР совсем другим человеком, а на вопрос Новосельцева, мол, как там, за границей загадочно отвечает: «Сложно!» Конечно, сложно, а как же иначе — столько хороших и качественных товаров в магазинах, поди разберись! А зарплата-то не резиновая, пускай и в валюте, всем надо что-то привезти и себя не обидеть, вдруг уже не выпустят.

Покупать в «Березке» было иногда опасно для жизни. Один студент из «Щуки» (театральное училище им. Щукина) мечтал об импортном плаще, достал где-то валюту и, ничего не подозревая, отправился в «Березку» на Ленинском проспекте (как ему удалось пройти мимо бдительного вахтера — вопрос другой). Выйдя на радость с покупкой под мышкой, он попал в поле зрения сотрудников органов — топтунов, отслеживавших всех выходящих граждан. А те его под белы ручки взяли и спрашивают: «Вы это купили?» — «Да». — «А откуда у вас валюта?» — «Купил». Глупо поступил студент, сказал бы, что нашел валюту, и все тут, отвязались бы. А за покупку валюты светила статья УК. Дали ему три года условно, еще пожалели (адвокат хороший попался, научил студента сказать, что тот учит роль космонавта). Но и в те годы условное наказание было как пятно. Поди попробуй, устройся с ним в приличный театр. Взял его Любимов на «Таганку», ему талантливые актеры, да еще с такой биографией были очень нужны. Впоследствии он стал одним из самых ярких любимовских актеров, звали его Феликс Антипов.

Вахтеры при «Березке» простых советских людей даже на порог не пускали, а вот иностранцев — пожалуйста. Марина Вла-

ди после памятного визита в магазин самообслуживания также отоваривала свою валюту в «Березке»: «Здесь можно найти все, чего нет в магазинах: американские сигареты, растворимый кофе, туалетную бумагу и даже яйца, картошку, салат, которых иногда нет неделями». В «Березке» тратили свои гонорары и советские нобелевские лауреаты, коих, правда, было немного. Александр Солженицын жил очень скромно, его обед обычно состоял из куска хлеба, тарелки с вареной лапшой и бульонных кубиков. Были и варианты — бутылка молока, квашеная капуста, вареная картошка и яйца. После издания «Одного дня Ивана Денисовича» Солженицын, предполагая, что больше его печатать не будут, решил тратить полученный гонорар бережно — по одному рублю в день, что ему, в общем, удалось. Так он и жил, отдавая все свое время творчеству. Но даже когда Александр Исаевич получил «нобелевку», его запросы мало изменились. Автор «Архипелага ГУЛАГ» покупал в «Березке» в основном заморские напитки — виски, джин, тоник и орешки. Сам он капли в рот не брал, выпивка предназначалась только немногочисленным иностранным гостям.

Частыми покупателями московских «Березок» были иностранные дипломаты западных посольств, что способствовало возникновению соответствующего ажиотажа вокруг магазина. Там все время роились какие-то темные личности — фарца или фарцовщики, предлагавшие продать им валюту или чеки. Простому человеку, случайно оказавшемуся свидетелем беседы двух фарцовщиков, было бы совсем не ясно, о чем они говорят (сам термин фарцовка возник от английского «for sale», что значит «для продажи»). Магазин на их языке назывался «склеп», а иностранцам они давали смешные прозвища в зависимости от страны происхождения. Граждан Западной Германии называли «бундесами», их восточных земляков — «дырками», финнов — «лысыми», итальянцы были зашифрованы как «алоры». Это был черный рынок, на котором можно было приобрести валюту, но совсем не по тому курсу, который печатался в советских газетах, — 60 копеек за 1 доллар. За один чек давали до десяти рублей. Вот какова была тяга к импортному дефициту. И жуликов, пользовавшихся этим, было предостаточно.

Промышляли фарцовщики в основном в центре столицы, а также по маршруту следования автобусов с иностранцами. Вещи, купленные у иностранцев, вскоре оказывались объектом перепродажи

на черном рынке, который мог быть где угодно — в подворотнях Арбата, в квартире фарцовщика, в институте и т.д.

Неискушенный советским образом жизни читатель, не дай Бог, может подумать: «Какая непростая была жизнь!» А иные люди и вовсе посочувствуют. Да, повседневное существование в той Москве требовало проявления небывалой энергии, терпения, специфических знаний и навыков, чувства локтя (в смысле умения активно работать локтями). У Михаила Жванецкого в одном из монологов есть портрет таких людей: мужчины поджарые, женщины подтянутые, ну, а слабаки отпадают по обочинам. Зато появлялось то, чему заевшиеся иностранцы завидовали — взаимовыручка, желание помочь ближнему, порою даже незнакомому человеку.

В фильме «Мимино» легчик-грузин приходит к солисту Большого театра с одной целью — получить номер в московской гостинице. Они друг друга видят в первый и последний раз. Причем здесь театр, скажете вы? Это действительно театр, но более широком смысле. Жена солиста звонит директору мебельного магазина, а ему-то как раз нужны два билета в Большой на «Лебединое озеро», но не для себя, как в том случае с Вознесенским. Как мебельный директор пристраивает грузина в гостиницу, мы не видим. Но в итоге он уже обживает двухместный номер в «России» еще с одним «эндокринологом» из Армении.

Так люди и жили каждый день: по принципу «Ты мне — я тебе», доставая невозможное и пользуясь недоступным. Блат порождал и блатные профессии. После мясника в иерархии стоял банщик, обслуживающий множество нужных клиентов с большими возможностями.

Система ценностей, десятилетиями основанная на блате и дефиците, не могла не повлиять на повседневную жизнь человека, на извращение ее нравственной основы, даже заставляя подбирать друзей по степени их значимости и возможностей «доставания» и «добывания». А отношения между людьми свелись к обмену одного на другое. Марина Влади пишет: «Обычно речь идет не столько о деньгах, сколько об обмене. Один концерт — за десять метров паласа (обычным путем его можно получить лишь по записи, и то надо долго ждать). Здесь вообще меняется поступление в институт на иностранную машину, несколько бутылок виски на установку лобового стекла, билеты в театр на свежие овощи зимой и так далее».

Кстати о паласах — во МХАТе их давали в три этапа. В знаменитом портретном фойе организовали продажу этого дефицита. Первая очередь — народные артисты СССР (Смоктуновский, Евстигнеев и пр.), вторая — народные РСФСР, ну, а то, что останется, — заслуженным и прочим. А вот завлит театра Смелянский оттяпал себе аж два паласа, второй — для друга М. Швыдкого, с которым они перли его через всю вечернюю Москву.

Помимо блата существовало у москвичей и еще одно выражение — «лапа» или «волосатая рука». Наличие «руки» в самых разных организациях открывало возможность пользоваться теми благами цивилизации, доступ к которым был затруднен для основной массы населения...

